

Север из Азии, что делало и сами растения, и их названия привычными (лимон, абрикос, кофе, барбарис и др.).

Перспектива исследования определяется необходимостью выявления степени адаптации арабизмов в русском языке.

#### *Л и т е р а т у р а :*

1. *Асфандияров И. У.* Восточная лексика в русском языке. – М., 1991. – 122 с.
2. *Гаврилова Т. П.* История арабской по происхождению лексики в русском языке (на материале памятников XII–XVIII вв) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 17.04.81. – М., 1981. – С. 1-22.
3. *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории русской арабистики. – М., 1958. – 270 с.
4. *Крысин Л. П.* Иноязычные слова в современной жизни: Русский язык конца XX столетия. – М., 1996. – 322 с.
5. *Крысин Л. П.* Иноязычные слова в современном русском языке. – М. : Просвещение, 1968. – 208 с.
6. *Крысин Л. П.* Толковый словарь иноязычных слов. – М., 2002. – 1020 с.
7. *Огиенко И. И.* Иноземные элементы в русском языке: История проникновения заимствованных слов в русский язык. – М., 1915. – 345 с.
8. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / под ред. Г. Н. Складневской. – М., 2001. – 896 с.
9. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. – Т. 3. – М., 1971. – 861 с.
10. *Халлави М. Х.* Лексические арабские заимствования в современном русском языке. – М., 1986. – 245 с.

*У статті розглядаються арабські запозичення в російській мові з урахуванням їхньої денотативної віднесеності, що визначає їх систематизацію за тематичними групами.*

**Ключові слова:** арабізми, денотативна обумовленість, тематична група.

*In the article are examined the Arabic borrowings in Russian, taking into account their denotative conditionality, that determines their systematization on thematic groups.*

**Keywords:** arabizms, denotative conditionality, thematic group.

**Иванова Н. И.**

**Горловский государственный пединститут  
иностранных языков**

### **ВСТАВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ: СИНТАКСИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКА**

*В статье излагаются результаты исследования вставных конструкций как смысловой доминанты предложения, ставится проблема места вставок в оформлении эффективной интерактивной модели высказывания, рассматриваются причины их активного использования в современных текстах.*

**Ключевые слова:** динамизм высказывания, синтаксическая гибкость, двуплановость содержания, фокус внимания автора.

Диапазон общей лабильности языковой системы и деформируемости языковых структур достаточно широк. Известно, что переосмысление и развитие языковых форм происходит прежде всего в свободной от консерватизма сфере устного речевого обихода. Именно в речи возможны изменения синтаксического строя. Они обусловлены требованиями коммуникации, заставляющими высказывания быть более динамичными, подвижными, не осложнёнными ни построением, ни содержанием, способными легко присоединиться к предложению (точнее, не ломая его композицию, входить в него).

В литературе о вставках, начиная с известных работ А. М. Пешковского, А. Г. Руднева, Г. Н. Акимовой, И. И. Аникина, Т. А. Колосовой и заканчивая

последними публикациями Л. Д. Беднарской, Ю. М. Златопольского, Н. В. Черниковой, С. Г. Онишко, акцент ставится в основном на изучение аспектов истории разделения вводных и вставных конструкций, описания структурных типов и семантики вставок, интонационного оформления вставок. За пределами интересов лингвистов пока остаётся вопрос о месте вставок в оформлении эффективной интерактивной модели высказывания, о её смысловой доминантности в предложении, о причинах небывало активного использования их в современных текстах.

Традиционный синтаксис неспособен объяснить коммуникативное строение предложений со вставками. Эта научная лакуна вполне объяснима. Вставка содержит такой сегмент информации, противоположение которого информации, заключённой в синтаксическом окружении, составляет основную цель всего высказывания. В парадоксальности этой ситуации и кроется кажущаяся невозможность её объяснения.

Цель работы: раскрыть причины актуальности вставок в современном языке, их чрезвычайно активного использования, выяснить механизмы приобретения вставками, входящими в предложение на правах дополнительного, разъясняющего смыслового блока, “высокого” синтаксического статуса конструкции, становящейся концептуально важной.

Сложный синтаксический механизм построения фразы обусловлен сложной психологической структурой процессов порождения мысли. Вставки – порождение разговорной речи, но при этом не отражают её особенности. Так, здесь нет опоры на ситуативный контекст (как в разговорной речи), нет возможности использовать невербальные средства коммуникации. Эти “невозможности”, пробелы и заполняют вставки. И если в разговорной речи конситуативный смысл (т.е. речевой контекст, визуально-чувственная ситуация, частно-апперцепционная база) не рематичен, то в письменной речи иногда именно эти составляющие и актуальны (о них ведь не знает читатель, а должен знать, иначе будет нарушена фоновая концепция). А так как структура предложения уже оформлена, остаётся одна возможность ввести эту часть сообщения посредством вставки. Т.е. в уже готовом предложении происходит перемещение фокуса внимания автора, и вставка здесь – и объект этого усиленного внимания, и средство его воплощения. В силу этого вставка не может быть семантически нейтральным компонентом предложения. Стратегия смыслового развёртывания в предложении со вставкой особая: говорящий, заботясь о понятности своей речи, позволяет конструировать её, отступая от строгих синтаксических правил, в соответствии со своими задачами. Архитектура таких предложений уникальна: они представляют не линейную цепочку связанных звеньев (классическая синтагматическая последовательность), а иерархическую структуру. Такое построение обеспечивает реализацию коммуникативной программы экономным и эмоционально сильным способом.

Если в речепорождении обычно выделяются 3 уровня: мотивационно-побуждающий, формирующий и реализующий [2, с. 120], то последний, реализующий, этап диссонирует с предшествующими в предложениях со вставкой. На первом уровне автор формирует предмет своего высказывания. Планируя предложение, говорящий выбирает пропозициональное и иллокутивное содержание, тематическую структуру. Планирование предложения, всех его деталей не происходит одномоментно, сразу, однако оно не идёт и пословно. Говорящий сначала строит схематический план, костяк целого предложения, а затем детализирует его по частям. Т.е. модель предложения может быть представлена формулой “костяк” + “составляющие”, где “костяк” занимает центральную позицию, некое центральное ядро, на которое нанизываются локальные

“уточнители”. Процесс расширения предложения не спонтанный, он полностью обусловлен планом высказывания. В этом аспекте расширения предложения принципиальных вопросов нет, эта стратегия достаточно полно описана и изучена.

Но вот на этапе реального воплощения замысла, когда осуществляется процесс выбора и размещения слов (т.е. грамматическо-синтаксическое оформление высказывания), может произойти сбой замысла-программы: может включиться незапланированный, маргинальный фрагмент. (Какими убедительными сейчас представляются высказывания Д. и Ив. Кларков, М. Гаррета, А. Херберта о том, что процесс планирования речи остаётся загадкой.) И даже достаточная синтаксическая гибкость не может предложить адекватного варианта включения этого фрагмента, кроме как нарушив чёткость логического структурирования: новое сообщение вводится, грамматически не приспособиваясь к предложению. Автор высказывания принимает такое, поистине революционное, решение, когда эта часть в смысловой иерархии синтаксических составляющих становится наиболее значимой: *Триста лет назад (как время-то бежит!) Петр Великий прорубил окно в Европу /Т. Толстая. На липовой ноге/; Я знаю многих, кто неудачно съездил в Грецию – неудачно! в Грецию! звучит немисливо, – и больше не поедут /Нехоженая Греция/* (здесь и далее приводятся примеры из произведений Т. Толстой, изданных в 1995 – 2008 годах).

При исследовании вставок следует иметь в виду, что это – категория не одного, отдельно взятого предложения, а категория текста. И в рамках текста парантетические конструкции выполняют текстосвязующую функцию. Изучение явления в этой плоскости позволит разобраться в проблеме возникновения вставок и их принципиально важной роли в формировании экспрессивного фона высказывания. Эмоциональная составляющая содержания вставок в художественном тексте вполне понятна и объяснима, ведь в художественном произведении а priori всё работает на замысел автора. В этом смысле представляется спорным замечание С. В. Вяткиной о том, что вставные конструкции в художественной речи несут избыточную информацию [1, с. 102].

Категория парантетических конструкций неоднородна с точки зрения их структуры, выражения модальности, наличия или отсутствия средств связи с базовой частью предложения, помогающих его оформлению как целостной коммуникативной единицы.

Также многоплановы вставки и в содержательном аспекте. Содержание вставок настолько разнообразно, насколько разнообразна семантика любого высказывания. Спектр его – от экспликативного (разъясняющего, уточняющего) значения до делиберативного (эмоционально-оценочного), вся шкала объективной и субъективной модальности может быть представлена во вставках. В особую группу можно выделить вставки, которые использует автор как ссылку на какой-либо факт, литературный или иной источник, на своё предыдущее высказывание и т.п. (вставные конструкции так называемой отсылки, не являющиеся смыслообразующими, но логически оформляющие высказывание): *Прошло то время, когда смеясь, сочувствовали тем, кто безуспешно пытался избавиться от наркотической зависимости (“Нет ничего легче. Чем бросить курить. Я сам это делал восемь раз” – Марк Твен) /Николаевская Америка/; Когда я преподавала в Америке курс литературы, Борхес одновременно был для меня и спасательным кругом в волнах американского студенческого менталитета, и пробным камнем. (Можно ли быть и кругом, и камнем одновременно? – вопрос тоже вполне борхесовский. Можно) /Переводные картинки/.*

Речь идёт, конечно, о вставках семантически весомых, рематических, монополизирующих содержание предложения. Последнее замечание тут же вызывает оговорку: распределение вставок на фрагменты первого и второго порядка не есть ли извечное стремление исследователя всё подвергнуть классификации. Конечно, можно найти и аргументировать основания для распределения вставок по группам в аспекте их значимости, но вряд ли это будет правильным и справедливым шагом. Справедливым, прежде всего, по отношению к автору произведения. Только он знает, какой вставной элемент является доминирующим, какой – “проходным”. А скорее всего, этот вопрос не имеет решения и для самого автора: если что-то им создано – значит, оно существенно. При этом не всегда объяснимо. Ведь любой текст – это субъективное отражение картины мира, которое существует в глубинных слоях психики автора, как правило, скрытых от самонаблюдения. В области подсознания и сверхсознания может зародиться любая компонента, меняющая речевую стратегию автора. И структура предложения, реагируя на эти изменения, настраивается и подстраивается под них. В её приспособляемости к любому переформатированию заложена возможность гибкого моделирования: от линейного (последовательного) до разрывного (включающего).

Вставные конструкции, появляющиеся как бы “на полях” предложения, на его рубеже, возникают, когда предложение закончено, сформировано, структурировано, и дополнить его за счёт расширения синтаксических связей нельзя. Линейная последовательность частей предложения предопределена строгими законами синтагматического синтаксиса, нарушение её невозможно. Но в то же время во вставках проявляется и другое её свойство – усиленное, эффективно конденсированное содержание.

Ведь непрерывность потока сознания живёт по своим правилам: один фрагмент, связанный по смыслу с другим (или другими), неизбежно должен вовлечься в пространство всей мысли, иначе нет смысла в её высказывании. Гибкость языковой системы, её способность предлагать разные варианты выражения мысли позволяет находить приёмы для разрешения подобных ситуаций. И несмотря на изолированность, обособленность вставки, и структурную, и — иногда смысловую, именно она становится средством сохранения предложения как гармоничного структурно-семантического образования.

Комментарии вставок надстраивают смыслы поверх уже существующих в линейном ряду предложения. И если предложение имеет границы – и в этом смысле оно замкнуто, то предложение со вставкой гипертекстно. Оно представляет собой иначе организованную структуру политематической информации. Здесь между не всегда пересекающимися содержательными ресурсами устанавливаются особые перекрёстные отношения. Предложение по строению становится двухуровневым, а по смыслу представляет незамкнутую цепь. Т.е. такие предложения креативны уже по одному своему возникновению. Вот почему вставки так активно используют не только в художественной и публицистической литературе, но и в научной.

Вставки – это перебивы речи: каждая вставка, вторгаясь в уже сформированную синтагматическую цепочку, расчленяет, перебивает синтаксическую структуру: *Другие пути решения конфликтов – попросту подраться (дикий варварский путь) или, наоборот, плюнуть, махнуть рукой и взять да и простить обидчика (путь христианский) – представляются американцам глупыми, нецивилизованными /Засужу, замучаю, как Пол Пот – Кампучию/; В конце того же 1915 года – уже всю ила*

*Первая мировая война* – зловещее полотно было представлено среди прочих на выставке футуристов /Квадрат/; Я бреду из церкви в церковь вместе с толпой, мелькают бессмысленные усталые лица – **такие же бессмысленные, как моё**, – блестят стёкла очков, шуришат страницы путеводителей /Смотри на обороте/. Но эта “не-первичность” вставки в предложении, т.е. незапланированность, непредусмотренность, её появление на вторичном синтаксическом уровне вовсе не означает её семантической вторичности. Возникающие ассоциации, уточнения, разъяснения, иногда – реплики становятся необходимым звеном в высказывании. С их помощью достигается двуплановость повествования. Само появление вставок вызвано отражением в речи сознания, которое по своему существу не может не быть одноплановым.

Но двуплановость повествования сама по себе не может привести к экспрессивности, так как сообщения могут быть чисто информативными, а расчлененность высказывания используется просто как компрессионный (экономный) способ его построения: ведь оформление такой вставки в отдельное предложение или осложняющую часть базового предложения грамматическими средствами – путь структурно сложный.

Выполняя смыслообразующую функцию, вставки позволяют в сжатом виде указать на события, детали, ощущения, психические состояния, неожиданный поворот мысли. В принципе, освобождение вставок от скобок (особенно в случае связанности их с контекстом, – и здесь могут быть задействованы все виды синтаксической связи) вполне смогло бы уравнивать содержание вставок с содержанием базисного предложения. В самом деле, многие вставки выглядят как придаточные части сложноподчинённого предложения, части сложного бессоюзного или сложносочинённого предложения, как однородные члены, обособленные обороты, пояснительные конструкции: *Ещё продолжалась борьба, ещё впереди была Анна Каренина (безжалостно убитая автором, наказанная за то, что захотела жить), ещё впереди было несколько литературных шедевров, но квадрат победил, писатель изгнал из себя животворящую силу искусства /Квадрат/; Эту несложную операцию мог бы выполнить любой ребёнок. Такая работа под силу любому чертёжнику, – а Малевич в молодости работал чертёжником, – но чертёжникам неинтересны столь простые геометрические формы /Квадрат/; Государство (хотя я не знаю этого слова) давит на меня фикусами в оконных проёмах, картинами в золочёных рамах, откляченными от стены /Женский день/.* Присутствие в парантетических конструкциях союзов, дейктических средств, вводных единиц указывает на связь вставок с базисным предложением не предполагаемую и возможную, а реально существующую. Вставка в таких случаях уже не случайный элемент текста, а полноправный член его, как бы включающийся в состав предложения, как все другие компоненты:

Эта похожесть, сходность вставок с частями предложения и создаёт вопросы, связанные с проблемой определения статуса вставок. Имея в некоторых случаях эксплицитную связь с базовой частью предложения, они всё-таки выносятся “на поля”. Есть причины, подталкивающие автора к выдвижению этих конструкций в некую изолированную, обособленную, а иногда даже и в автономную плоскость текста. Эти причины даже не осознаются автором. Высокая степень неосознаваемой важности содержания вставки заставляет автора ломать заготовленную структуру предложения и,

не медля, не приспособивая синтаксически к базовой части, не оформляя особым образом, вводить только что возникшую мысль, уточнение, вспомнившуюся деталь, дату и т.п. в канву предложения. Создаётся впечатление кажущейся торопливости этого процесса, автору нельзя останавливаться в изложении задуманного, переключаться на поиск нового конструктивного решения. Должен быть сохранён уже сложившийся темп и каркас изложения.

И здесь вставка разрешает возникший синтаксический и смысловой цейтнот: структурно не загружая высказывание, она ещё и придаёт ему особую подвижность, экспрессию. Вставка “оживляет” предложение не только имитацией непринуждённости разговорной конструкции с её особым интонационным рисунком. Прежде всего, она, обостряя внимание на некоторых фрагментах, деталях, создаёт параллельный канал изложения (для автора) и восприятия (для читателя). Вот почему предложения со вставкой столь динамичны в общем повествовании.

Интересны случаи выделения вставки в отдельное предложение: *То, что Борхес придумал, режиссёр Герман сделал. (Как – непонятно.) Именно это зритель и видит на экране: миллионы явлений, происходящих в одном месте, не накладываясь одно на другое* /Пар в коридорах: бесконечная жалость;/ *Как же прост Борис Березовский: “Плоть от плоти сограждан усталых, я горжусь, что в их тесном строю в магазине, в кино, на вокзалах я последняя в кассу стою”, – строчки Беллы Ахмадулиной, под которыми я готов подписаться*. *(Кто как, а я бы нервничала, если бы за мной в кассу стоял, плотно и тесно, усталый Березовский. Белла Ахатовна – другое дело.)* /Отчёт о культе имущества;/ *Гламурное существо практически не читает, но знает: “разумеется, адекватно перевести стих невозможно”.* *(Ну разумеется. Не стоит даже стараться.)* /Я планов наших люблю гламурё!.

Содержание таких вставок абсолютно самодостаточно, структура их также является собой сформированную композицию, – и, тем не менее, авторы ими прерывают общий ход повествования, заключая их в скобки.

В формировании современного предложения как многоуровневого процессе нередко специфически репрезентируются отдельные фрагменты. В этом невидимом соревновании может быть победителем тот, который и не принимал участие в структурировании предложения на первом этапе планирования, входящий в предложение уже в фазе реализации замысла и, тем не менее, в силу своей смысловой активности, становящийся доминирующим. Вставные конструкции, наряду с парцелированными, являются семантическими маркерами, активизируют сюжетную динамику и манифестируют свободу авторского самовыражения. Именно эти качества речи ценятся, и потому дальнейшее использование вставок представляется ещё более активным и популярным, а их изучение – актуальным и перспективным.

#### *Л и т е р а т у р а :*

1. *Вяткина С. В.* К вопросу о становлении вставных конструкций в русском литературном языке // Вестник ЛГУ. Сер. 2, 1987. – Вып. 2. – С. 100-102.
2. *Зимняя И. А.* Функционально-психологическая схема формирования и формулирования мысли посредством языка // Исследование речевого мышления в психолингвистике. – М., 1985. – С. 98-156.

У статті викладаються результати дослідження вставлених конструкцій як смислової домінанти речення, ставиться проблема місця вставок у оформленні ефективної інтерактивної моделі висловлення, розглядаються причини їх активного використання у сучасних текстах.

**Ключові слова:** динамізм висловлення, синтаксична гнучкість, двоплановість змісту, фокус зосередження автора.

*The article presents the results of the parenthetical constructions research as a semantic dominant of the sentence it deals with the problem of the role of parenthesis in forming the effective interactive utterance model, and it investigates the causes of their tendentious use in modern texts.*

**Keywords:** utterance dynamism, syntactic flexibility, two-plane meaning, the author's focus.

**Калько М. І.**  
**Черкаський національний університет**  
**імені Богдана Хмельницького**

### **ТЕРМІНАТИВНО-АКТИВІТИВНА ПОЛІКАТЕГОРІЙНІСТЬ ЯК ВИЯВ АСПЕКТУАЛЬНОЇ ГЕТЕРОГЕННОСТІ ДІЄСЛІВНОЇ СЕМАНТИКИ**

У статті схарактеризовано теоретичні засади і описано досвід типологізації термінативно-активітивної полікатегорійності дієслова в сучасній українській літературній мові. Виокремлено та специфіковано основні типи поєднання у складі дієслівної лексеми аспектуально різнокатегорійних значень.

**Ключові слова:** дієслово, вид, аспектуальність, аспектуальний клас, аспектуальна полікатегорійність, термінатив, активітив.

Започаткований у середині минулого століття Ю. Масловим [6] та незалежно від нього – З. Вендлером [14] та утверджений в аспектологічних студіях другої половини ХХ – початку ХХІ століття, що сформували субпарадигму, яка дістала назву “двокомпонентна теорія виду” [5, с. 60-61], об’єктивістський підхід до опису аспектуальності, який виводить конкретні особливості видових значень і видових властивостей з особливостей їхньої лексичної семантики, тобто, власне кажучи, із деяких об’єктивних властивостей самих позначуваних цими дієсловами дій [6, с. 316], не втратив своєї актуальності і нині, що засвідчують відповіді провідних аспектологів із тринадцяти країн світу на анкету аспектологічного семінару філологічного факультету МДУ ім. М. В. Ломоносова [7]. Проведене в контексті згаданої вище парадигми, що неодмінно передбачає розмежування граматичного (категорії виду) та лексичного (аспектуальні класи) компонентів аспектуальності, наше дослідження має на меті підтвердити ефективність застосування окресленого підходу щодо опису аспектуальних особливостей українського дієслова. З огляду на це, основними завданнями нашої розвідки є виокремлення та специфікація основних типів поєднання у складі дієслівної лексеми аспектуально різнокатегорійних значень, зокрема тих, що належать до термінативного та активітивного аспектуальних класів.

Аспектуальні класи постають у контексті нашого дослідження як аспектуально орієнтовані прихованограматичні, або лексико-граматичні, класи, які мають вплив на граматичну царину виду, імпліцитно регулюючи аспектуальну поведінку (передовсім корелятивну здатність, акціональний і функціональний потенціал, відкритість до певного типу полікатегорійності) дієслів. На ґрунті українського дієслова вони утворюють п’ятикомпонентну систему: 1) термінативи, або здійсненники, що позначають подієспрямовані процеси, з одного боку, та події, досягнуті внаслідок